

Екатерина Шитова

ОТВЕРГНУТАЯ

ЗДЕСЬ ОЖИВАЮТ
ДРЕВНИЕ МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

Славянская мистика

Екатерина Шитова

Отвергнутая

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шитова Е.

Отвергнутая / Е. Шитова — «Издательство АСТ»,
2024 — (Славянская мистика)

ISBN 978-5-17-165735-2

Что случится, если нарушить запрет и отправиться в лес в навью ночь? Как изгнать из молодой девушки беса? Как обрести счастье? Ответы на эти вопросы знали наши предки: их миром правили языческие боги, и жизнь была расписана в согласии с традициями и обычаями. Жизненная мудрость народа передавалась из поколения в поколение. Даже спустя столетия люди продолжали верить в мистическое и следовать традициям. Несмотря на отвержение обществом, молодые героини трёх повестей всё же смогли постичь эту мудрость, пройдя через тяжёлые испытания, которые изменили их судьбы.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-165735-2

© Шитова Е., 2024

© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Кликуша	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Екатерина Шитова

Отвергнутая

© Екатерина Шитова, текст, 2024

© Юлия Миронова, илл. на обл., 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Разработка серийного оформления Екатерины Дубровской

Иллюстрация на обложке Юлии Мироновой

* * *

Кликуша

Глава 1 Купальская ночь

Дождь безжалостно хлестал Прасковью по лицу. Одежда её промокла насквозь, пропиталась дождевой водой и стала тяжелой, потянула к низу. Но она как будто этого не чувствовала – сидела на земле, прижавшись спиной к стене деревянной церквушки. Платье её задралось, обнажив голые ноги, руки безвольно раскинулись в разные стороны, светлые волосы повисли мокрыми сосульками вдоль лица.

– Прося... – послышался рядом с Прасковьей взволнованный голос.

Прасковья медленно повернула голову и увидела бегущую к ней под дождем женщину. Ночь была тёмная, но Прасковья сразу узнала её. Женщина тоже промокла насквозь, с седых волос, выбившихся из-под платка, капала вода.

– Мама, – хрипло выговорила Прасковья, – мама, опять он...

– Кто – он? – спросила мать.

– Нечистый!

Лицо Прасковьи сморщилось, и она разрыдалась в голос, уронив голову.

– Тише! – вскрикнула женщина и, боязливо оглянувшись по сторонам, прижала ладонь ко рту дочери.

– Мам, что же делать-то? – повторяла Прасковья.

– Тише, доченька, тише, – испуганно прошептала женщина.

– Мам... – Прасковья взглянула на мать дикими глазами, – Феденька! Я же убила его!

– Ну-ну, не ты это, Прося. Не ты! Да и обошлось всё, слава богу. Жив наш Феденька, – проговорила женщина.

А потом она прижала голову Прасковьи к своей груди и прошептала ей на ухо:

– Вот только если Алексей тебя сейчас найдёт, то не пожалеет больше, повесит на позорный столб, так он мне сказал, когда прибежал ко мне.

Прасковья горестно всхлипнула, и мать прижала её к себе ещё крепче.

– Уходи из села, Прося. Беги прямо сейчас! Моё сердце не выдержит, если я твои мучения воочию увижу, – начала причитать женщина, и на лицо Прасковьи упали её горячие слёзы. – Уходи, милая моя. Ты и так уже горюшка вдоволь хлебнула! Уходи, прошу!

– Нет, мама, – прошептала в ответ Прасковья, – не пойду, не уговаривай.

– Да что ты за дура такая упрямая! – в сердцах воскликнула женщина и стукнула дочь по лбу. – Уходи, говорю!

– Да не пойду я никуда, мама, – закричала Прасковья, – тут сыночек мой, тут ты, тут вся моя жизнь! Куда ж мне идти?

– Тише, тише! – прошептала мать.

Рядом раздались взволнованные мужские голоса. Мужчины услышали их и уже бежали к церкви, громко крича.

– Вон она!

– Стой, всё равно поймает!

Мать взглянула на Прасковью таким горестным взглядом, будто видела её в последний раз.

– Прося... – прошептала она.

– Мамочка, не плачь обо мне, – еле слышно ответила Прасковья.

Они взялись за руки, словно прощались навсегда.

– Прасковья! – голос Алексея прогремел на всю округу. – Выходи, всё равно от меня не скроешься!

Мать сорвала с головы мокрый платок, прижала его к лицу и завывала. А Прасковья поднялась с земли и, скользя голыми ногами по сырой траве, пошла навстречу мужчинам, шатаясь, точно пьяная.

– Прасковья! – снова закричал Алексей.

– Здесь я, иду, – ответила Прасковья и вышла к мужчинам.

Увидев тёмный силуэт, группа мужчин притихла, потом от неё отделился один – тот, что был на голову выше остальных. Это был Алексей. Он подошёл к Прасковье, схватил её за волосы и поволок за собой. Она слышала, как где-то позади неё страшно завывает мать, проклиная Алексея на чём свет стоит. Из глаз Прасковьи тоже лились слёзы. Но она заслужила это наказание. Всё, что бы с ней ни сделали сейчас, – всё будет справедливым.

Мужчины приволокли её на большую базарную поляну. Дождь всё лил, Прасковья чувствовала, что по уши вымазалась в грязи. Когда её бросили на землю, она подняла голову и взглянула на высокий столб, темнеющий возле неё. Недавно к нему привязывали вора Витьку Дряблого. Он украл у соседа трёх кур. А до этого тут была привязана Анна Рыжая, она оклеветала бывшую подругу, и ту чуть не упекли в тюрьму на несколько лет. А теперь вот привяжут её, Прасковью. За то, что она...

– Всё, Прасковья! Не собираюсь я больше тебя терпеть, – закричал Алексей.

Она ничего не ответила и даже не взглянула на мужа – сидела на земле с опущенной головой. Когда мужчины подхватили её под руки и поволокли к столбу, Прасковья вдруг закричала, ей стало так страшно, что душераздирающий крик сам вырвался из её груди. Алексей схватил её за плечи и принялся яростно трясти.

– Что, страшно тебе стало, паскуда? А когда ты нашего ребёнка своими руками душила, не страшно было?

Алексей изо всех сил ударил Прасковью по лицу. Она упала на землю, и он принялся озлобленно пинать её ногами. Остальные мужики стояли и молча смотрели на происходящее. Прасковья сжимала зубы от боли, прикрывая руками голову.

– Тварь! Паскуда! Чуть ребёнка не угрбила! Чем тебе Феденька помешал, а? Отвечай! Ну?

Алексей схватил Прасковью за волосы и стал изо всех сил тыкать её лицом в грязь.

– На, получай! За всё получай, тварь! За семью нашу, за Феденьку, за жизнь мою переломанную! За весь твой обман! Получай! Получай! – рычал он.

И тут вдруг откуда-то сзади, из темноты, раздался громкий рёв. Мужики обернулись, пытаются рассмотреть, кто там. Алексей отпустил Прасковью, поднялся с земли.

– Это ещё что? – ошарашенно воскликнул он.

Мужики и сами разинули рты от удивления. Один из них пожал плечами и прошептал:

– Не знаю, Лёха, но что-то подсказывает мне, что нам лучше уйти отсюда подобру-поздорову.

– Эй! Ты кто? – прокричал Алексей в темноту.

Огромная, тёмная фигура тут же двинулась в его сторону, страшно рыча. Глаза у великана засверкали в темноте яростным огнём, на безобразном лице застыла жуткая гримаса. Один за другим, мужчины побежали прочь с поляны. Последним побежал Алексей, оставив жену на растерзание неведомому лесному чудовищу.

– Может, так даже справедливее будет, – пробубнил он себе под нос, – хоть греха на душу не возьму.

Обернувшись, он увидел, что чудовище остановилось возле Прасковьи.

Женщина неподвижно лежала на земле. От последнего удара она потеряла сознание и не видела новой опасности, нависшей над ней. Великан склонился и какое-то время рассматривал её, с шумом втягивая ноздрями воздух. А потом схватил её руками, взвалил на плечо, точно мешок с картошкой, и понёс в сторону леса.

– Туда тебе и дорога, кликуша! – процедил сквозь зубы Алексей, смачно сплюнул на землю и пошёл прочь.

* * *

За пять лет до случившегося

– Прося, за водицей сбегай! – крикнула мать из кухни, – хлеб надо печь, а воды в кадке совсем нет!

– Бегу! – живо откликнулась Прасковья.

Она быстро сложила в берестяную шкатулку алые бусины и улыбнулась дряхлой старухе, лежащей на кровати.

– Сделаю вечером бусы и на свадьбу их надену. Эх, всего неделю мне в девках ходить осталось, бабушка! – прошептала Прасковья и улыбнулась старухе.

Та пожамкала беззубой челюстью и прошепелявила:

– Энто разве радость? Женитьба, что рабство для бабы.

Прасковья засмеялась, наклонилась к старухиному лицу и чмокнула дряблую, сморщенную щёку.

– Врёшь ты всё, бабушка! Было бы так, никто бы замуж не рвался! Мне все девки завидуют!

Старуха покачала головой, что-то неразборчиво пробубнила в ответ. Но Прасковья уже не слушала её, она любовалась на свое отражение в маленьком зеркальце.

Прасковья слыла в селе первой красавицей. Была она высокая, пышногрудая, курносая. Парни её провожали выразительными, тоскующими взглядами, вздыхали и томились по ней. Улыбка Прасковьи сияла на лице, как ясное солнышко, светлые косы блестели золотом и были толщиной с кулак. В неё, весёлую, озорную, дерзкую, невозможно было не влюбиться. Вот и влюблялись парни, теряли головы.

Но, несмотря на обилие ухажеров, Прасковья отдала своё сердце одному-единственному, высокому и статному красавцу Алексею. Они были хорошей парой, и молодежь завидовала их красоте и счастью.

– Проська! – вновь строго окликнула девушку мать.

Прасковья, замечтавшись, вздрогнула, быстро убрала зеркало под подушку и побежала на кухню.

– Недолго тебе командовать мной осталось, мамочка! – хитро подмигнув, прошептала Прасковья, – выйду замуж, и всё, упорхну, как птичка из твоего гнезда! Не на кого будет кричать! Некому будет приказывать!

– Жаль, что отец не дожил до этого... – грустно проговорила мать. – Но ты не радуйся раньше времени! Ишь какая резвая! Не я, так муж будет командовать!

Девушка дерзко вскинула подбородок и воскликнула:

– Это мы ещё посмотрим!

Взяв ведро и коромысло, она пошла к колодцу, напевая песню. На улице стояло душное лето, синело небо, цвели травы, кузнечики отчаянно громко стрекотали в высокой траве. Прасковья шла, пела и улыбалась солнцу. И тут вдруг высокие кусты рядом с ней зашевелились, трава и ветви раздвинулись и оттуда, прямо из густых зарослей, на тропинку шагнул крепкий пучеглазый паренек. Он взглянул на Прасковью и молча раскинул руки, преградив ей путь. Девушка замерла вначале, а потом оттолкнула парня с дороги и проговорила строго:

– А ну, отойди, Ванька! Чего встал тут, как вкопанный? Чего глаза вылупил?
Ванька что-то промычал в ответ, но не сдвинулся с места.

– А ну, пропусти, дурак! А не то вот как дам тебе коромыслом, будешь знать, как девок в кустах караулить!

Прасковья не на шутку разозлилась, топнула ногой, нахмурила брови. Парень виновато опустил голову, отошёл в сторону. Прасковья стремительным шагом прошла мимо него, а назад пошла в обход с полными вёдрами. Вдруг Ванька до сих пор в кустах сидит!

Она и раньше замечала, что Ванька-дурак таскается за ней по пятам: то полевой цветок ей протянет, когда она идет мимо, то дикие ягоды или лукошко грибов на крыльцо поставит. Прасковья старалась не замечать его. Что ей за дело до местного юродивого? Он же безобидный – сирота, живёт где-то в лесу, местные его жалеют, подкармливают, кто чем может. А ей что до него? Пусть ходит, пусть смотрит, этого она ему запретить не может. Вот только таких выкрутасов, как сегодня, она точно не потерпит!

«Надо будет всё рассказать Алёше, пусть припугнёт его в следующий раз хорошенько, чтоб близко не подходил!» – решила Прасковья.

Алексей не давал другим парням даже смотреть на свою красавицу-невесту, и Прасковье льстила его ревность.

«Любит меня крепко, раз так ревнует», – думала она.

Алексей и вправду любил Прасковью. Он её ещё два года назад на селе присмотрел – юную, пышногрудую, дерзкую девчонку. Присмотрел и стал терпеливо ждать, пока она подрастёт. Едва девушке исполнилось восемнадцать лет, как он тут же посватался к ней.

Зое, матери Прасковьи, будущий зять пришёлся по душе. Алексей был трудолюбивым, хозяйственным, надёжным. «Самое то для моей вертушки Проськи», – так думала Зоя. Семьи сговорились сыграть свадьбу ближайшим летом, сразу после праздника Купалы. Зоя после помолвки начала активно выстраивать семейные отношения. Она то и дело просила Алексея о помощи по дому. Муж её давно умер, и ей очень не хватало мужских рук в хозяйстве. А Алексей и рад был помогать, ведь это был повод лишний раз взглянуть на свою будущую жену.

В темноте узких сеней Прасковья ловила в объятия и бесстыдно целовала жениха в губы – нежно и чувственно, и с ликованием ощущала, как дрожит от страстного напряжения всё его тело. Когда она отталкивала Алексея, его лицо становилось глубоко несчастным. Прасковье нравилось чувствовать эту женскую власть над ним, сильным мужчиной. Поэтому она не верила, что после свадьбы он начнёт ею командовать, как пугала мать. Ей думалось, что Алексей всегда будет таким, как теперь, – ласковым, нежным, послушным, готовым луну с неба достать, если она попросит...

«Алёшенька меня любит. Расскажу-ка я ему про Ваньку. Пусть он его накажет, как следует», – подумала Прасковья, заходя во двор.

Поставив вёдра в прохладу сеней, Прасковья вышла на улицу и крикнула матери:

– Мам, я принесла воды!

– А к тебе Алёшенька приходил, – прокричала мать, высовываясь в окно.

– Что же он мне навстречу не пошёл? Хоть бы вёдра донёс! Устала тащить по такой жаре!
– возмутилась Прасковья.

– Они с отцом в соседнее село поехали, он сказаться приходил. Ждать не мог – шибко торопился. Передал тебе, чтобы ты тут без него не скучала и до свадьбы дома сидела.

– Куда ж он, неугомонный? Ведь всего неделя до свадьбы осталась! – обиженно проговорила Прасковья.

– Дядька у него помер. Хоронить поехали, – тихо прошептала Зоя.

– Ух, вредный какой дядька, не мог после свадьбы помереть! – буркнула Прасковья, заходя в дом.

– Прося! – строго окликнула мать. – Ты за языком следи! Вот отцовского ремня-то на тебя нет!

Прасковья отвернулась и, незаметно для матери, скорчила недовольную рожицу.

– На Купалу я всё равно пойду. Вот ещё! Дело ли – последние свободные деньки прожить дома? – крикнула она матери.

Зоя заохала, заворчала в ответ, но вскоре хлопоты на кухне увлекли её, и она на время забыла о дочери.

* * *

– Проська! Невестушка наша! А мы уж думали, что до свадьбы тебя не увидим! – весело закричали девушки, издалека увидев Прасковью. – Как же тебя жених-то на Купалу отпустил?

– А мне жених не указ! – ответила Прасковья и дерзко вскинула голову.

Девушки захохотали разом, их звонкие, молодые голоса разнеслись по лужайке возле реки, освещённой множеством горящих костров. Здесь было сегодня много парней и девок.

– Пошли с нами через костер прыгать?

Девушки помахали Прасковье и, смеясь, наперегонки побежали к кострам.

Прасковья довольно улыбнулась и оглянулась по сторонам. Вокруг толпились парни и девки – весёлые, нарядные, одетые в одинаково белые одежды. Головы девушек украшали красивые венки, сплетённые для того, чтобы пустить их ночью по воде. Купальская вода обязательно покажет, кто из них в этом году обретет любовь, а кто – семью. В прошлом году вода подсказала Прасковье, что скоро её сердце будет отдано парню. Так и случилось, всё сбылось, скоро свадьба.

Прасковья побежала к пляшущим девкам, и вскоре вихрь танца закружил, понёс её вместе с остальными в большом хороводе. Она смеялась, запрокинув голову. Вокруг неё мелькали такие же радостные, возбужденные лица. Кругом слышались крики и смех, где-то в стороне играли дудки и гармони. Прасковье было хорошо, она любила праздники, любила необузданно весёлую Купальскую ночь.

Но тут вдруг она наткнулась на пристальный и неподвижный взгляд огромных, круглых глаз – кто-то неотрывно смотрел на неё из тёмных зарослей рогоза. С отчаянно бьющимся сердцем Прасковья вышла из хоровода и всмотрелась во тьму. Кусты тут же сомкнулись. Прасковья тихонько подкралась ближе и резким движением раздвинула зелёные листья. В кустах сидел Ванька-дурак.

– Попался! – закричала она, схватила Ваньку за ухо и потащила его за собой. – А ну, выходи на свет, наглец!

Возле костра Прасковья отпустила парня и толкнула его на землю.

– Что ты, окаянный, всё ходишь за мной? Влюбился, что ли?

Ванька что-то промычал ей, затряс головой. Щёки его покраснели, а длинные светлые волосы упали на лоб. Вокруг Прасковьи сразу же собрались смеющиеся девки и парни, они окружили их с Ванькой со всех сторон.

– Влюбился Ванька-дурак в Прасковью!

– Сам дурак, а губа у него не дура!

– Самую красивую девку выбрал, молодец Ванька!

Смеющиеся голоса, доносящиеся отовсюду подзадоривали Прасковью.

– Ох, – вздохнула она, томно закатив глаза, – поцеловать тебя, что ли, в честь праздника?

Девки и парни засмеялись, завизжали от восторга.

– Целуй, Проська, на Купалу всё можно! Алексею не расскажем!

Прасковья склонилась к лицу дрожащего от волнения парня и звонко поцеловала его в лоб.

– Вот тебе поцелуй, Ванька, а теперь запомни, – строго сказала Прасковья, схватив парня за грудки, – перестань ходить за мной, и в мою сторону больше не смотри даже. У меня есть жених, и через неделю нам сыграют свадьбу! Если я ему на тебя пожалуюсь, он тебя на мельнице в муку сотрет!

Ванька смотрел в глаза Прасковье не моргая. У него было странное напряжённое и одновременно потерянное выражение лица. Прасковья не знала, что творится в голове у этого дурачка, не знала, понимает ли он её, поэтому она решила пригрозить ему как можно строже.

– Понял? – сквозь зубы прошипела она ему в лицо. – А если я ещё хоть раз тебя рядом увижу, точно всё расскажу Алексею. Тогда тебе не поздоровится! Уходи в свой лес и больше не появляйся тут!

Ванька что-то промычал в ответ, часто заморгал круглыми глазами. А когда Прасковья отпустила его, он поднялся на ноги и побежал прочь от шумной, смеющейся толпы, боязливо оглядываясь по сторонам. Его сгорбленные плечи вздрагивали, и Прасковье показалось, что он плачет.

– Ну ты Прасковья, девка-огонь! Повезло с тобой Алексею! Не соскучится! – восхищенно проговорил один из парней.

Прасковья взглянула на него, улыбнулась дерзко и пошла к костру. Задрав длинную юбку выше колен, она разбежалась и прыгнула. Алый огонь жадно лизнул её голые пятки. Она вскрикнула, побежала к реке, зашла в тёмную воду по пояс и закрыла глаза от блаженной прохлады. Кто-то обрызнул её водой с ног до головы, и Прасковья громко завизжала, закружилась, расплескивая мелкие брызги во все стороны.

Выбежав из воды, она со смехом упала в мягкую траву. Юбка задралась, оголив стройные ноги, но Прасковья даже не поправила её: на Купалу можно вести себя так вольно, как хочется – никто и слова не скажет. Это праздник молодости, любви и самой жизни. Всё равно огонь заберет себе всё плохое, а вода смоем все прегрешения. Прасковья закрыла глаза и улыбнулась.

«Вот бы сейчас Алексей был здесь! Так и хочется прильнуть к его широкой груди!» – подумала она, закрыв глаза.

Но тут кто-то присел на траву рядом с ней, и Прасковья вздрогнула от неожиданности.

– Проська! А мы с Матвеем только что в кустах целовались! Правда-правда! – взволнованно прошептала на ухо Прасковье Маша, одна из её близких подружек.

– Ну, Машка! Охмурила ты всё-таки парня! Сколько он сопротивлялся, – радостно воскликнула Прасковья, повернувшись к подруге.

– Да, Проська, я год за ним, как собачонка бегала, а он всё ни в какую! Осел упрямый! – засмеялась Маша.

– Ну всё, Машка, теперь его крепко в узде держи, чтоб никуда от тебя не делся!

Маша вся засияла, лицо её заалело от счастья, губы расплылись в улыбке.

– Крепко ты его любишь, подруга! Так и светишься вся! – пропела Прасковья, обнимая подругу за плечи.

Машка кивнула, покраснела ещё пуще, а потом наклонилась к Прасковье и зашептала ей на ухо:

– Я, Проська, сегодня в лес из-за него собралась. Вот как люблю! Да боюсь одна-то идти, нечисть на Купалу по лесам разгуливает.

Машка закусила губу, а потом схватила Прасковью за руку.

– Пойдем со мной, подруженька? Я знаю, ты не испугаешься, как другие трусики!

– Да зачем же тебе в лес? – удивлённо спросила Прасковья.

– Я цветок папоротника хочу найти! – восторженно выдохнула Маша.

– Ой, дурная! Какой ещё цветок папоротника? Кто только не искал его! Выдумки это всё, Машка! Сказочки! – засмеялась Прасковья. – Пошли лучше венки на воду пускать. Вон, девки уже песню гадальную затянули.

Над рекой и вправду стихли крики и смех, влюблённые парочки разошлись по кустам, чтоб вдоволь намиловаться, а одинокие девушки присели в круг, расплели косы и запели песню. Песня была красивая, звуки нежных девичьих голосов неторопливо текли над тёмной рекой. На душе у Прасковьи отчего-то стало тоскливо.

– Ой ты, речка-реченька
Берега пологие,
Ты скажи мне, реченька,
Подскажи, родимая,
Найду ли сердцу милого,
Смелого и сильного,
Кто полюбит душеньку,
Душеньку-голубушку.
Ой ты, речка-реченька,
Воды во тьме плещутся,
Подари ты девице
Крепкую любовь.
Чтобы сердцу миленький,
Ко мне пришёл родименький.
Покажи мне, реченька,
Друга моего...

Девушки допели, а потом пошли к реке, загадочно улыбаясь друг другу. В глазах каждой из них теплилась надежда. Зайдя в реку кто по колени, кто по пояс, они по очереди стали класть венки на тёмную воду. Прасковья внимательно наблюдала за ними, ей было интересно, кому река сегодня покажет суженого. Но Маша всё теребила её за руку, шептала страстно в ухо:

– Цветок папоротника любое желание исполняет! Может неземным счастьем наделить, а может – любовью бесконечной. И самое главное! Он может сделать так, чтобы красота твоя не увядала! Красота не увянет, значит, и муж не разлюбит!

Прасковья строго взглянула на подругу, Маша смотрела на неё умоляющим взглядом.

– Красота, говоришь? – усмехнулась Прасковья.

– Угу. Красота-то, Проська, даже у тебя не вечная. Бабий век ох как короток!

Маша взяла её за руку и слегка потянула на себя. И Прасковья не выдержала, махнула рукой.

– Ладно, пошли, Машка. Всё равно венки на воду мне пускать ни к чему – у меня жених есть, и свадьба на носу. А нечисти я и вправду не боюсь. Пошли!

Они взялись за руки и торопливо зашагали прочь от тёмной реки и от горящих костров. Когда их обеих обняла ночная тьма, Прасковья нахмурилась и сказала:

– Только имей в виду, Машка, мне от твоего папоротника ничего не нужно! Себе красоту и любовь проси, если найдёшь цветок. Тебе нужнее. А я просто из интереса схожу.

– Проська, правильно про тебя говорят, что ты огонь-девка! – восторженно выдохнула Маша.

Прасковья засмеялась и потянула Машу за собой в лес.

* * *

Прасковья бывала раньше ночью в лесу, но никогда прежде ей не было так страшно, как сейчас. Чего именно она боялась, она и сама не могла понять. Машке о своём страхе она ничего

не говорила, но и справиться с ним не могла – шла вперёд, пробираясь через пни и спутанные ветви деревьев, и дрожала.

Не зря молодых девок мамки пугают, что на Купалу по лесам ходить нельзя – нечисть гуляет, простоволосых, беззащитных девиц губит. Даже сама лесная чаща была не такой, как всегда, так казалось Прасковье. Лунный свет разгонял мрачную тьму, но длинные, корявые ветви деревьев качались из стороны в сторону и натужно скрипели, словно хотели схватить Прасковью и Машу за длинные волосы. Ветер шептал девушкам что-то жуткое на непонятном языке, и всё кругом было наполнено стонами и странными шорохами. Прасковье то и дело мерещились скользящие между деревьями тени, и она боялась их, хоть и была не из пугливых.

– Маша, чего-то боязно мне. Пойдем обратно, – окликнула она подругу, – вон и луна, того гляди, за тучу зайдет. Ничего не увидим и заблудимся в темноте.

– Пришли уже, Проська, не бойся! – радостно прошептала Маша. – Вон он, папоротник-то.

Девушка указала рукой в сторону большого оврага, дно которого заросло папоротниками. Ажурные листья были до того пышными и густыми, что создавали видимость мягкого зелёного омота. Казалось, можно было прыгнуть и плыть по папоротнику. Оставив Прасковью, Маша побежала к обрыву.

– Стой, Маша! – крикнула Прасковья. – Стой! Обрыв очень крут! Сорвешься!

Маша резко остановилась, не добежав пары шагов до края.

– Тише, Проська! – обернувшись, шикнула она. – Теперь нужно ждать. Стой, где стоишь, да не шуми!

Какое-то время девушки стояли, не шевелясь, а потом где-то в чаще леса раздался вой, да такой жуткий, что Прасковья вся похолодела, задрожала.

– Всё, Машка, пошли отсюда! Не нравится мне всё это, – прошептала она, обхватив себя руками и оглядываясь по сторонам.

И снова ей почудилась чья-то чёрная тень, скользящая между деревьями.

– Машка! Пошли сейчас же, а не то я одна уйду! – яростно прошептала Прасковья и направилась к подруге.

Но тут на дне оврага зажглась ярко-жёлтая искра. Маша подпрыгнула, закружилась вокруг себя и прошептала восторженно:

– Вот! А ты не верила! Это же цветок папоротника распускается! Огнём сияет!

Маша подошла к самому краю и глянула вниз. И вдруг ноги её соскользнули с обрыва, и она с громким визгом кубарем полетела вниз. Когда тело её с глухим стуком ударилось о землю, крик оборвался, и над оврагом повисла странная, гнетущая тишина.

Прасковье показалось, что в эту секунду её сердце остановилось от леденящего душу ужаса, растекшегося по нутру. На согнутых ногах она подошла к обрыву и заглянула в овраг. Маша лежала на дне, неестественно раскинув ноги и руки, и смотрела на неё застывшим взглядом.

– Маша! – крикнула Прасковья. – Маша, ты жива?

Но Маша не шевелилась. Ноги Прасковьи подкосились, и она осела на землю, обхватив голову руками. И тут луна зашла за большую чёрную тучу, и лес тут же накрыла непроглядная тьма. Услышав рядом с собой шорох, Прасковья вздрогнула, вскочила на ноги, вытягивая перед собой руки.

– Кто здесь? – проговорила она дрожащим голосом.

Лица коснулось что-то липкое и холодное, и Прасковья закричала во весь голос:

– Аааа!

Она бросилась бежать наугад, натываясь в темноте на деревья и кусты, запинаясь за торчащие из земли корни, сухие коряги и старые пни. Она падала, сдирая в кровь колени и локти,

вставала и снова бежала. Ей всё время казалось, что кто-то гонится за ней по пятам, тянет к ней костлявые лапы, дышит смрадом прямо в затылок.

А потом что-то злое и тёмное прыгнуло на неё сверху, вцепилось в волосы и, шипя, поползло по телу гигантским пауком. Прасковья закричала, разум её помутился от ужаса. Ей показалось, что что-то большое и холодное заползло к ней в рот. Прижав руки к горлу, она стала захлёбываться в собственном страхе, словно в воде. И вода эта была чёрной-пречёрной, как сама Купальская ночь...

Глава 2

Две смерти

– Ну же, доченька, постарайся, милая! Вдруг ещё что-то вспомнишь? – Зоя гладила руку дочери и то и дело заглядывала ей в глаза.

Но Прасковья смотрела мимо матери пустым, безразличным взглядом. Это пугало Зою, дочь была непохожа сама на себя, сидела на кровати, как кукла. Но местный лекарь сказал, что это обычный испуг, и нужно просто оставить девушку в покое, тепле и не тревожить её – сама оклемается. А как же не тревожить, если только Прасковья могла рассказать, что на самом деле случилось в лесу на Купальскую ночь.

Когда дочь не вернулась с игрищ в назначенное время, Зоя переполошила всё село. Выяснилось, что ещё одна девушка, Маша, не пришла в ту ночь домой. Едва забрезжил рассвет, мужики и парни отправились на поиски пропавших девушек. Сначала искали у реки, потом двинулись к лесу. И тут Зоя, которая шла в первых рядах, увидела, как Прасковья сама выходит из леса и идет к ним навстречу.

– Прасковья! Доченька! – что есть сил закричала Зоя и со всех ног бросилась к дочери.

Только подбежав ближе, она заметила, что Прасковья белая, как праздничная скатерть, косы её растрёпаны, а одежда перепачкана грязью. У Зои к горлу подступил комок, нехорошее предчувствие сдавило грудь.

– Тебя кто-то обидел, доченька? – дрожащим голосом спросила женщина.

Прасковья устало взглянула на мать и покачала головой.

– Нет, мама, – ответила она.

Взгляд девушки был странным – пустым и отрешённым. Зоя осторожно взяла дочь за руку.

– Что же ты в лесу делала, Просья? Где Маша?

Вокруг них столпились мужики и парни, все внимательно слушали, что скажет Прасковья.

– Маша? – спросила Прасковья и задумалась, будто вспоминая, кто такая Маша. – Маша в лесу...

Прасковья осеклась и стала беспокойно оглядываться по сторонам.

– Что же ты Машу-то в лесу оставила, Прасковья? – крикнул кто-то из толпы.

– Где Маша, Просья? – тихо спросила Зоя, сжимая руку дочери.

Взгляд Прасковьи помутнел, лицо побледнело ещё сильнее.

– Маша попросила меня сходить с ней к лесному оврагу. Ей хотелось сорвать цветок папоротника.

Прасковья отыскала глазами родителей подруги и замерла...

– Говори, Просья, говори, не томи! – нетерпеливо воскликнула Зоя.

– Она поскользнулась и упала в овраг, – тихо выдохнула девушка. – Она... Она разбилась насмерть!

В толпе ахнули, зашептались. Мужики тут же побежали в лес, в сторону большого оврага. А Прасковья с матерью остались стоять, растерянно глядя друг на друга.

– Доченька, как же так? У тебя свадьба через неделю. Тебя-то зачем в лес понесло?

– Не знаю, мам! – всхлипнула Прасковья. – Маша просила сходить с ней, вот я и не смогла отказать.

Зоя укоризненно покачала головой.

– Ох, девки-девки! Молодые, беспутые, безголовые!

– Мам! Да если бы я знала, что так будет, разве я согласилась бы идти? Машка так просила, так просила! Что же мне делать-то теперь, мам?

Зоя обняла рыдающую дочь, прижала к себе и нащупала на её спине разорванную ткань платья. Обойдя Прасковью и взглянув на её спину, женщина вскрикнула от ужаса – вся спина дочери была в свежих, кровоточащих царапинах. Словно какой-то зверь драл её острыми когтями.

– Прасковья, кто же тебя так? – тихо спросила Зоя. – Вся спина изранена.

– Не знаю... Я по лесу бежала, ничего перед собою не видела, падала... – пролепетала Прасковья.

Взгляд её снова стал отрешённым; она нахмурилась, силясь вспомнить, что с ней случилось, но ничего не помнила, всё словно покрылось чёрной пеленой.

– Прасковья, милая, скажи правду. На вас с Машей кто-то напал? – еле слышно произнесла Зоя.

– Не знаю. Нет... – растерянно ответила Прасковья, и из глаз её непрерывным потоком потекли слёзы. – Mam, я не помню! Я ничего больше не помню!

– Ладно, всё-всё, успокойся, не реви, – строго сказала Зоя.

Она взяла дочь за руку и потянула её за собой. Прасковья послушно пошла за матерью, громко всхлипывая.

– Ничего-ничего. Сейчас баню затоплю, намою тебя, напарю, чаем травяным напою, и ты сразу в себя придешь, успокоишься.

– Что же делать-то, мам? Что теперь делать? – без конца спрашивала Прасковья, пока они шли к дому.

Зоя оборачивалась на дочь, смотрела с тревогой на синяки и ссадины на её теле и молчала. Она пока что и сама не знала, что делать.

* * *

Вымыв Прасковью в бане, Зоя уложила её в кровать и укутала тёплым одеялом. Девушка закрыла глаза, и вскоре дыхание её стало ровным, она уснула. Старуха, лежащая напротив, внимательно смотрела на внучку и беззвучно жамкала беззубой челюстью.

– Снасилничали? – тихо спросила она.

Зоя пожалала плечами, вздохнула горестно.

– Типун тебе на язык, мама! Говорит, что не помнит ничего. С подругой пошла ночью в лес за цветком папоротника, и всё – всю судьбу себе обе переломали. Подруга в овраг упала, шею свернула, а наша, по-моему, умом тронулась от страха. Что теперь со свадьбой делать – не знаю.

– Молодая, отойдёт ещё к свадьбе, – спокойно ответила старуха и отвернулась к стене.

Зоя ещё немного постояла над дочерью, повздыхала, потом перекрестила её, пошептала молитву над её головой и пошла в кухню спать.

* * *

Прасковья поначалу спала крепко и спокойно. А потом вдруг резко проснулась от того, что кто-то толкнул её. Она открыла глаза, осмотрелась, но вокруг было темно и тихо, только бабушка, как обычно, стонала и кряхтела во сне.

Только Прасковья хотела лечь, как вдруг снова подскочила на кровати, как будто кто-то пнул её в бок. Испугавшись, она хотела сесть, но тело её не слушалось. Её внезапно всю затрясло, руки скрючились в судорогах, а спину выгнуло дугой. Прасковья упала с кровати и начала биться головой об пол, издавая страшные вопли. Проснувшись от сильного шума, Зоя прибежала в комнату. Она второпях зажгла керосиновую лампу и, увидев, что Прасковья вся

почернела, и изо рта её идёт пена, закричала от страха, упала на колени рядом с дочерью, не зная, как ей помочь.

– Прасковья! Доченька! Да что же это такое? – закричала Зоя, обхватив ладонями чёрное лицо дочери.

И тут вдруг Прасковья затихла, тело её обмякло, судорога ушла. Она взглянула на мать, оттолкнула её, вскочила на ноги и забилась в тёмный угол.

– Это я Машку убила! – захохотала Прасковья, страшно округлив глаза.

Зоя сидела на полу перед дочерью бледная и напуганная. Она была уверена, что сердце её вот-вот разорвется от страха.

– Что ты такое говоришь, доченька? Что с тобой, моя Просенька? – тонким голосом проговорила Зоя, пытаясь сдержать рыдания, подступающие к горлу.

– Я! Я Машку убила! Она в овраге живая ещё была, а я её взяла и задушила! – Прасковья присела в углу, вцепилась растопыренными пальцами в волосы и закричала. – Дура она была. Зачем таким дурам жить?

Прасковья принялась хохотать, как сумасшедшая. А когда голос её охрип, она осела в углу и закрыла глаза. Зоя долго не решалась встать и подойти к дочери. Она тихо плакала, закрыв лицо руками. А потом услышала, как старуха завозилась на своей кровати. От испуга она совсем позабыла о ней! Она поднялась с пола и присела рядом с матерью, которая уже два года не вставала с кровати. Лицо старухи оставалось абсолютно спокойным. Она пожевала беззубой челюстью, а потом произнесла:

– Кликуша она.

– Что? – Зоя взглянула на мать непонимающим взглядом.

– Кликуша, – повторила старуха, – бес в неё вселился в лесу, разве не видишь? Теперь он внутри неё сидит и из неё кликает.

Зоя вытаращила глаза от удивления.

– Это что же, получается, Прасковья Машу убила?

– Бес врать не станет. Только это не Прасковья была. Это бес её рученьками Машку погубил, – прошепелявила старуха.

– И что теперь делать? Как этого беса прогнать? – тихо спросила она, склонившись над матерью.

– Никак ты его не прогонишь, – недовольно ответила старуха, зевнула, широко раскрыв рот, и снова, крихтя, отвернулась к стене, – сколько кликуш видела, ни одна от беса избавиться не смогла.

Зоя осторожно подошла к дочери и, убедившись, что та уже крепко спит, подхватила её под руки и уложила обратно в кровать.

* * *

Три дня после случившегося Прасковья провела в постели. Она лежала на подушке, смотрела в потолок и не шевелилась, словно окончательно превратилась в тряпичную куклу. Мать кормила её с ложки, переодевала, заплетала ей косы. Но на четвертый день жизнь и сознание вернулись к девушке. Она поднялась с кровати и заправила её, потом подошла к бабушке и звонко поцеловала её в дряблую щёку.

– Говорила же, оправится. Что с ней, молодой кобылой, будет? – проворчала старуха.

Зоя вошла в комнату и ахнула, увидев, что дочь, улыбаясь, смотрит в зеркало.

– Алексей ещё не приехал? – спросила девушка, как ни в чём не бывало.

– Нет ещё. Сегодня обещался, – растерянно ответила мать, прижимая руки к груди и не веря своим глазам.

У нас свадьба послезавтра, а он всё ещё не приехал! – возмущенно воскликнула Прасковья. – Хорош жених!

Девушка строго взглянула на мать и нахмурилась.

– Мам, ты чего на меня уставилась, будто впервые увидела?

Зоя отвела глаза, махнула рукой на Прасковью.

– Уж и посмотреть нельзя, что ли? Скоро уедешь от нас с бабушкой. Хоть насмотрюсь на тебя напоследок! – прошептала она.

Прасковья закатила глаза и стянула с себя через голову сорочку. Надев яркое цветастое платье, она выпорхнула на кухню, словно легкая бабочка. Зоя смотрела на то, как дочь, пританцовывая, наливает себе полную чашку молока, и внутри у неё разливалось тёплое, приятное спокойствие.

«Может, всё обойдется, забудется... Может, ошиблась бабка и нет в Прасковье никакого беса...» – так думала Зоя, неотрывно наблюдая за дочерью.

* * *

Но той же ночью Зоя проснулась от громкого стука, доносящегося из комнаты Прасковьи.

– Прося, доченька, – сонно позвала она.

Шум стих на какое-то время, но вскоре до Зои вновь донёсся стук, а следом за ним она услышала жуткие, хрипящие звуки, за которыми последовал громкий и неестественный смех Прасковьи. Зоя вздрогнула и почувствовала, как по телу пополз липкий страх.

Хрипы слышались всё сильнее, и Зоя, пересилив себя, вылезла из-под одеяла и босыми ногами прошлёпала по холодному полу в сторону комнаты. Остановившись в дверном проёме, женщина замерла на месте. То, что она увидела, на мгновение лишило её рассудка. Её старуха-мать лежала на полу, а верхом на ней сидела Прасковья, сжимая пальцами тонкую, дряблую шею.

– Прося? – взвизгнула Зоя.

Она вцепилась дочери в волосы и хотела оттолкнуть её в сторону, но Прасковья схватила её за запястья и сжала их до хруста.

– Аааа! Что ты наделала, Прося? Что ты натворила? – завопила Зоя, вытирая крупные прозрачные слёзы, бегущие по щекам. – Ты же убила её! Чем тебе помешала дряхлая старуха? Чем не угодила родная бабка?

Прасковья отпрыгнула в угол, присела на четвереньки, опираясь на руки и стала похожа на огромного чёрного паука.

– Вредная старуха! Будет знать, как меня бесом звать!

Прасковья выпрямилась и закричала во весь голос:

– Я не бес! Не бес!

Лицо её почернело, опухло, губы искривились, глаза страшно выпучились, того гляди, выпадут из орбит. Зоя смотрела на Прасковью, открыв рот и не верила, что страшное чудище, сидящее на корточках в углу – её дитя, её красавица-дочь.

– Ладно-ладно, – тихо пробормотала Зоя, – успокойся, доченька! Уймись, родимая!

– Я не бес! – вопила Прасковья.

Тело её вдруг согнулось пополам, а потом выгнулось дугой в другую сторону, она рухнула на пол и начала трястись в судорогах. Глаза Прасковьи закатились, на губах выступила пена. Зоя завyla, обхватив голову руками. Умом она понимала, что должна как-то помочь дочери, но душу её сдавил такой нечеловеческий страх, что она не могла себя заставить подойти к ней.

Спустя несколько минут, которые показались Зое долгими часами, Прасковья затихла. Она осталась лежать на полу, вздрагивая время от времени. Зоя тоже сидела на полу, прижав ладони к лицу. Спустя какое-то время до ушей женщины донесся слабый шёпот.

– Мамочка...

Зоя боязливо подняла голову и увидела, что Прасковья очнулась. Она сидела на полу, бледная и растерянная, и в ужасе смотрела по сторонам.

– Мамочка, а что с бабушкой? Почему она не шевелится? – прошептала Прасковья.

Она взглянула на Зою, но та вместо ответа громко всхлипнула и снова закрыла лицо руками. Прасковья взглянула на свои дрожащие пальцы и побледнела.

– Это я её убила? – спросила она.

Зоя, не в силах вымолвить ни слова, яростно закивала головой. А потом из её груди вырвались громкие рыдания. Прасковья сидела на полу и, не отрываясь, смотрела на задушенную старуху. Как она могла сотворить такое? Ведь она очень любила бабушку. Ещё утром она целовала её морщинистый лоб, смеялась над её острыми шутками. А теперь бабушка лежит на полу с безобразно разинутым ртом, из которого вывалился синий язык. И мать уверяет, что виновата в этом она, Прасковья.

– Что со мной, мамочка? – снова прошептала она, взглянув на безутешную мать. – Я ведь не хотела. Клянусь, я не хотела. Я не знаю, как это вышло!

Зоя вытерла слёзы подолом ночной рубашки, шумно высморкалась и внимательно посмотрела на дочь.

– Это не ты её убила, Прося. И Машку тоже не ты в овраг толкнула, – тихо сказала она. – Бес в тебе поселился, доченька. Это его рук дело. И зачем ты только в Купальскую ночь в лес пошла?

У Прасковьи от изумления вытянулось лицо.

– Бес? Что же мне сейчас делать, мамочка? – жалобно спросила она. – Я ведь думала, что у меня впереди долгая счастливая жизнь. А теперь, получается, всё кончено, никакой свадьбы не будет. Я душегубка, мамочка! Меня или в тюрьму отправят, или палками до смерти забьют на поляне.

– Подожди реветь! – строго приказала Зоя, поднимаясь с пола. – Может, придумаем что-нибудь. Утро вечера мудренее, Прося. Иди ложись спать!

Зоя увела Прасковью на кухню, уложила её на своей лавке, а сама кое-как затащила мёртвую старуху обратно на кровать, вложила вывалившийся язык ей в рот и кое-как закрыла беззубую челюсть. Утром она скажет всем, что бабушка сама померла ночью, от старости.

Сев напротив старухи, она стала думать, как ей помочь дочери. Когда первые лучи рассвета заглянули в окно и коснулись растрепанных волос Зои, она встала, оделась, повязала на голову платок и тихо, чтобы не разбудить дочь, вышла из дома...

Глава 3

Ведьмин совет

– Мам, страшно! – прошептала Прасковья и крепко вцепилась дрожащими пальцами в руку матери.

– Пойдём, Прося, не бойся. Не убьёт же она тебя! Наоборот, поможет, – строго ответила Зоя и громко постучала в низкую дверь.

Когда дверь распахнулась, мать и дочь, склонив головы, вошли внутрь. В избе было душно, пахло горьким дымом и травами. Прасковья в потёмках не увидела пустое ведро, стоящее у порога, запнулась за него и чуть не упала.

– Ну, жаба неуклюжая! – недовольно проворчала хозяйка избушки.

– Извините, не увидела. Темно, – сказала Прасковья и испуганно взглянула на мать.

Зоя остановилась у порога и громко произнесла:

– Здравствуй, Марфа, мир твоему дому! Мы к тебе с подарками пришли да за помощью.

Из темноты избы к ним вышла толстая, некрасивая женщина. Её круглое недовольное лицо лоснилось жирным блеском и было сплошь покрыто бородавками, а над верхней губой росли чёрные усы. Женщина внимательно осмотрела своих гостей и указала рукой на деревянный стол, заваленный сухими травами.

– Начинайте с подарков. Это хоть поприятнее, чем те беды да заботы, которые вы с собой притащили.

Зоя торопливо кивнула и, заискивающе улыбаясь, подошла к столу, поставила на него корзинку, накрытую платком.

– Вот, Марфа, как я и обещала: всего тебе принесли, ничего не пожалели. Всё, что было у нас – всё тут. Сахар, соль, мука, яйца...

Зоя выкладывала на стол гостинцы – такую плату попросила у неё ведьма Марфа за помощь Прасковье.

– Вот ещё рыбный сочень принесла, очень вкусный, сама пекла. С поминок остался, – Зоя протянула ведьме пирог, – у нас бабушка на днях померла. Моя мать. Вчера схоронили. Помяни.

На этих словах Прасковья побледнела и без приглашения опустилась на лавку. Ведьма зыркнула на неё недовольно и стала внимательно рассматривать гостинцы. Сочень она поднесла к носу и долго принюхивалась к нему, с шумом втягивая ноздрями воздух.

– Покойником пахнет, – тихо и задумчиво произнесла Марфа, – мать-то сама померла, или помог кто?

– Сама! Старая уж была, два года лежмя лежала и померла вот! – быстро проговорила Зоя, и щёки её покрылись пунцовым румянцем.

– А пахнет так, как будто ей помог кто... – задумчиво проговорила ведьма.

Прасковья сидела ни жива ни мертва. Почувствовав, что всё тело ослабло и сознание вот-вот покинет её, она попросила у Марфы воды.

– Ишь ты какая, царевна-королевна, – проворчала Марфа, зачерпнула в чашку ключевой воды из ведра и поставила чашку перед Прасковьей, – привыкла, небось, к тому, что всё тебе на блюдечке достаётся? Вон и теперь мамка за тебя просит, а ты на лавке расселась, глазами хлопаешь.

Прасковья отпила воды, опустила голову, почувствовав, что её мутит от вида мерзкой ведьмы. Ей захотелось уйти отсюда как можно скорее, она встала с лавки и сделала несколько шагов по направлению к низкой двери.

– Сиди уж. Я гостинцы назад всё равно не отдам! – зло гаркнула Марфа, и Прасковья попятилась обратно к столу, укоризненно глядя на мать.

Откусив большой кусок рыбного сочня, ведьма прикрыла глаза от удовольствия и промычала что-то неразборчивое, повернув лицо к Зое.

– Чего говорите, не разберу? – прошептала Зоя, которая и сама уже была вне себя от страха.

– Вкусно, говорю, наготовила! – захохотала ведьма и засунула сразу полсочня себе в рот.

Прожевав, она вытерла губы рукавом своей замызганной рубахи. А потом взяла чашку, из которой пила Прасковья и залпом допила оставшуюся воду.

– Сплошная горечь после тебя, а не вода! Да и вид у тебя, девка, неважный. Ну, рассказывай! Больная ты, что ли? – спросила Марфа, грузно усаживаясь за стол напротив Прасковьи.

– Так кликуша она! Бес в неё вселился в Купальскую ночь, – тревожно зашептала Зоя, склонившись над столом, чтобы быть поближе к ведьме, – она, беспутная, в лес ходила. Там-то, видать, и случилось это. Кликает она теперь.

– Ты сама-то, девка, говорить умеешь? – усмехнулась Марфа, даже не взглянув на Зою.

– Умею, – угрюмо проговорила Прасковья.

– Тогда говори! Рассказывай сама, что с тобой случилось в лесу! А ты, мамаша, помолчи уже.

Марфа снова зло зыркнула сначала на Зою, потом на Прасковью, та вздрогнула и схватилась руками за лавку, словно боялась упасть.

– Я плохо помню, словно во сне было, – начала она, – помню, как с Машкой пошли в лес, как дошли до оврага с папоротниками. Помню, как Машка поскользнулась и упала в овраг. И всё, больше ничего не помню. Даже как из леса вышла – и то не помню.

– Косы распускали? Кресты с себя снимали? – насупившись, спросила Марфа.

– Конечно! Купальская ночь же! Как за цветком папоротника с крестом-то идти?

– Шёпот да шаги кругом в лесу тоже, наверное, слышала?

Прасковья кивнула, и взгляд ведьмы стал тёмным и строгим.

– Ой, дуры-дуры! Ночью в лес – простоволосые и без крестов! Пустоголовые дуры! Ты-то, мамаша, куда смотрела? Хоть бы предупредила её!

– Да кабы она меня слушала! – с досадой воскликнула Зоя. – Без спросу ускакала к речке, и ищи-свищи её!

Ведьма нахмурилась, лицо её стало напряжённым.

– И как часто кликает? – спросила она, повернувшись к Зое.

– Два раза уж принималась, – тяжело вздохнула женщина, – как сама не своя вдруг делается. Лицо чернеет, изо рта пена идет, тело в дугу сгибается. Страх да и только!

Марфа поднялась с лавки, подошла к Прасковье и обхватила своими пухлыми ладонями её лицо.

– Ну-ка глянь-ка мне в глаза, девка. Посмотреть я хочу на твоего беса, – сказала она.

Прасковья посмотрела в узкие, тёмные глаза ведьмы. Та неожиданно поднесла своё лицо так близко, что Прасковья почувствовала кислый запах её дыхания, и её снова замутило.

– Ничегошеньки не вижу в глазах. Ну-ка открой рот!

Прасковья послушно открыла рот. Марфа заглянула к ней в рот, и снова нахмурилась.

– Тоже нет. Давай там смотреть.

Прасковья непонимающе взглянула на неё.

– Где – там? – спросила она.

Марфа махнула рукой на её юбку и скомандовала.

– Ложись на лавку, юбку задирай!

Прасковья отпрянула ближе к матери, вцепилась в её плечо.

– Мам, я не дамся! Мам, прошу тебя, давай уйдем отсюда! – взмолилась она.

И тут ведьма громко захохотала.

– Всё понятно, там твой бес-то и спрятался. Бойтся!

Марфа снова тяжело опустилась на лавку, взяла трубку, набила её табаком и закурила. По комнате поплыл густой белый дым. Прасковья закашлялась, ей стало трудно дышать.

– Кашляй-кашляй, девка. Табак-то у меня непростой!

Ведьма смотрела на Прасковью, прищурившись.

– Марфа, скажите, что же нам делать-то? У Прасковьи свадьба скоро должна быть, жених у неё хороший. Как нам беса этого прогнать? Ведь жалко девку, совсем молодая она у меня!

Ведьма поднесла трубку ко рту, затянулась и выпустила дым в лицо Зое.

– Не бойся, мамаша. Дам я твоей девке колдовскую траву. Пропыет она её неделю, бес в ней подохнет и сам выйдет из неё.

– А как мы поймем, что он вышел? – спросила Зоя, теребя от волнения край своей кофты.

– Поймёте. Он выходит большим чёрным сгустком вонючей слизи, – снова захохотала старуха, увидев, какими испуганными глазами на неё уставились обе женщины.

Сунув в руки Зое пучок колдовской травы, ведьма скорее выпроводила их из избы.

– Устала я от вас. Уходите и не возвращайтесь больше, – сказала она и с грохотом захлопнула низкую дверь.

* * *

– Прося, милая, как же я жду нашу свадьбу! – прошептал Прасковье на ухо Алексей. – Старики будто против нас, мрут один за другим!

Девушка грустно улыбнулась, на её душе лежал огромный камень. Алексей ничего не знал о её припадках и об истинной причине бабушкиной смерти. Мать строго-настрого запретила Прасковье говорить ему о том, что она кликуша.

– Он тебя сразу же бросит, если узнает! Кликушу ни один нормальный мужик в жены не возьмет. Зачем нужна такая, когда кругом полно нормальных девок?

И Прасковья притворялась и врала. Она врала так умело, что у Алексея и в мыслях не было усомниться в том, что с любимой что-то не так.

Из-за внезапной кончины бабушки свадьбу перенесли, а потом Прасковья сказала больно, чтобы поменьше встречаться с женихом. Но он приходил к ней почти каждый вечер, сидел возле кровати и держал её руку в своих горячих ладонях. А Прасковья считала минуты и гадала, когда же Алексей уйдет. Она каждый день пила мерзкие на вкус травы, которые ей дала ведьма Марфа, и ждала, что бес вот-вот выйдет из неё.

Зоя тоже переживала, что Алексей может увидеть внезапный приступ Прасковьи, поэтому через каждые пять минут заглядывала в комнату и поторапливала его:

– Ступай уже Алёшенька! Ей сил надо набираться. Больше свадьбу переносить нельзя – плохая примета!

Алексей послушно вставал и с тоской в глазах уходил домой.

– Ох и крепко он тебя любит! – как-то сказала Зоя, глядя в окно на удаляющуюся широкоплечую фигуру парня.

– Да, любит... – грустно вздохнула Прасковья. – Только толку-то? Вдруг этот бес из меня не выйдет никогда?

– Типун тебе на язык, Проська! – грозно проговорила мать. – Не болтай ерунду! Выйдет. И свадьбу сыграем, как порешили. И детей нарожаешь, как хотела. Будешь ты у меня самой счастливой!

Прасковья улыбнулась матери. И Зоя улыбнулась в ответ.

* * *

Всю неделю Прасковья, преодолевая отвращение, борясь со рвотными позывами, прилежно пила колдовские травы. Живот от них распухал и болел, иногда ей казалось, что кишки её скручиваются узлами. Почти каждый час она бегала в деревянный туалет за домом. Она сильно похудела и ослабла, но уверенность в том, что все эти мучения помогают изгнать беса, придавали девушке сил.

А на восьмой день припадок снова повторился. Матери не было дома, она ушла к соседке и заперла спящую Прасковью на замок.

– А то вдруг что! Всякие тут мимо ходят! Повешу замок – и ей, и мне спокойнее будет, – так сказала сама себе Зоя, запирая дверь.

И вот, спустя час после того, как мать ушла, Прасковья проснулась и почувствовала, что с её телом опять творится что-то неладное. Вначале она решила, что это бес из неё выходит, но потом руки и ноги снова скрутило судорогой. Она хотела встать с кровати, но не смогла, упала на пол и стала биться в страшных судорогах. А когда тело её обмякло и рухнуло на пол, Прасковья вдруг явственно ощутила, что она в своей оболочке лишняя, что кто-то чужой, более сильный, завладел её телом.

Какая-то неведомая сила подняла её на ноги, и Прасковья почувствовала, как её собственные руки принялись изо всех сил стучать по запертой двери. Она колотила без устали, царапала дверь ногтями, кусала зубами, вопила, словно одержимая и рычала, как раненый зверь. Очень хотелось остановиться, почувствовать своё тело, успокоиться. Но вместо этого Прасковья изо всех сил ударялась головой о стену.

– Открой дверь! Я убью тебя, жирная тварь! – закричала Прасковья против своей воли. – Вздумала травить меня своими жалкими травками? Ведьмишка поганая! Ничего у тебя не выйдет!

Прасковья обернулась, осмотрелась потемневшим взглядом и начала крушить собственный дом: стол перевернулся, посуда упала на пол и вдребезги разбилась, усыпав всё вокруг острыми осколками. Прасковья с ужасом смотрела на то, что творит бес, сидящий внутри неё, но сопротивляться ему она не могла, он забрал себе все силы. Она могла лишь подчиняться его воле.

* * *

Когда Зоя, наконец, вернулась от соседки, то громко вскрикнула, едва переступила через порог.

– Прасковья, что произошло? Что тут случилось? – закричала она.

– Не помогло, мам... Травы не помогли, – прошептала Прасковья.

Она лежала на полу и не могла заставить себя открыть глаза и посмотреть на мать, так ей было стыдно.

– Вот обманщица Марфа! Подлюка! Змея подколодная! Подарки захапала, а помочь не помогла! Ну я ей задам! – в сердцах закричала Зоя.

– Всё, мам, не видать мне свадьбы, – прошептала Прасковья, перебирая пальцами осколки разбитой посуды, которые так напоминали её разбившуюся жизнь.

– Я этого не допущу, Прося. Свадьба будет, и всё тут.

Голос матери прозвучал тихо, но твердо.

– Да кому я такая нужна? Кликуша... – всхлипнула Прасковья.

Зоя походила туда-сюда по комнате, шурша битыми стеклами, а потом схватила дочь за руку и потащила за собой из дома.

– Куда ты меня ведешь? – удивленно спросила Прасковья, убирая с лица выпавшие из косы волосы.

– Пойдем к Марфе, пусть отрабатывает наши гостинцы! У, ведьма хитрая! – зло прошипела Зоя, сжав кулаки.

* * *

– Не вышел, говоришь? – спросила Марфа и, прищурившись, взглянула на Прасковью.

– Не вышел, вот те крест! – яростно прошептала Зоя. – Что делать-то нам теперь? Свадьба на носу. Упустит девка счастье своё, что я с ней тогда делать буду?

Ведьма поднесла ко рту трубку, выпустила изо рта терпкий дым.

– Иди-ка ты к горным монахам, девка. Они смогут беса прогнать.

Зоя после этих слов оживилась, подошла поближе к Марфе, взяла ведьму за пухлую руку.

– Расскажи-ка, Марфа, что это за монахи и как они моей доченьке помочь смогут?

Ведьма высвободила свою руку, недовольно взглянула на Зою и, пригладив усы над верхней губой, заговорила:

– Это отшельники горные. Почти не едят, не спят, всё своему богу молятся, да над телесами опыты проводят. То к дереву себя привязывают, то в холодную воду окунают, то пальцы себе отрубают в знак истинности своей веры.

Прасковья, услышав это, вся напряглась от страха, и из глаз её на стол капнули две крупные слезинки.

– Так они поди там все полоумные? – округлив глаза прошептала Зоя.

– Может и полоумные, кто их разберёт, – усмехнулась Марфа, – да говорят, что бесов умело изгоняют.

Зоя посмотрела на дочь и пожала плечами.

– А что, Просенька, может попробуем, отправимся к монахам?

– Mamочка, я не хочу! – сквозь слёзы пролепетала в ответ напуганная девушка.

– А жить, как человек, ты хочешь? – воскликнула Зоя. – Жить-то хочешь? Тогда и не реви, а делай, как тебе мать говорит!

Зоя выпрямилась и прошла по избе туда и обратно. Потом повернулась к Прасковье и сказала:

– Поехали, Прося, к монахам.

– Я тебе главное не сказала, – медленно проговорила Марфа, выпуская в воздух кольца табачного дыма, – монахи выгонять-то выгоняют бесов. Да только способы у них такие, что далеко не каждый от них живым уходит.

Зоя побледнела, а Прасковья выскочила из-за стола, упала перед матерью на колени и зарыдала в голос:

– Я не поеду, мамочка! Я не дамся!

Зоя обхватила руками свою рано поседевшую голову и застонала. Тяжело опустившись на лавку, она взглянула на ведьму вымученными глазами.

– Что же делать-то прикажешь? – отрешенно спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.